

Лоббируй, а то проиграешь

Что принесут «русским» израильтянам нынешние выборы в Кнессет и на чьей стороне симпатии репатриантов — анализ известного политолога, профессора университета Ариэль, д-ра Зеэва Ханина.

— Зеэв, до выборов 17 марта еще несколько дней, но уже сегодня примерно ясно, сколько «русских» депутатов займут свои кресла в зале заседаний Кнессета. Речь, с корее всего, идет о шести мандатах.

А ведь это антирекорд с 1996-го, когда репатрианты впервые получили представительство в парламенте. С чем мы имеем дело — успешной интеграцией, при которой просто отпала необходимость в «своих» депутатах, или некоторым пренебрежением партийных элит к «русской» улице?

— На этот вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, наша алия вполне интегрировалась, с другой — это интеграция без аккультурации в стране победившего мультикультурализма. Израильское общество очень секторально, поэтому репатрианты из бывшего СССР — так называемый Третий Израиль — с одной стороны чувствуют себя частью еврейского израильского коллектива, а с другой — представляют особую субкультурную группу. Вообще, на сегодняшний день, чтобы быть полноценным израильтянином, ты должен быть израильтянином и кем-то еще. А это в нашем политизированном обществе рано или поздно приводит к появлению

своего политического лобби. В 1990-е годы под этим лобби подразумевалась исключительно своя секторальная партия, но эта модель сошла на нет в 2003-м. С тех пор «русское» лобби воспринималось как попытка найти партию, которая сделает примерно то, что «Ликуд» сделал для выходцев из стран Востока, МАПАЙ — для репатриантов из Польши, а компартия — для израильских арабов. То есть дала их секторальным элитам общенациональную легитимацию и механизм интеграции с позиции силы, а не в виде одолжения.

Последние десять лет русскоязычные постоянно взвешивают, что им больше импонирует — русская партия с израильским акцентом, как «Наш дом — Израиль», или израильская партия с русским акцентом. Что касается последней, то на эту нишу было много претендентов — ее пыталась занять и «Кадима», и даже Партия труда, но сегодня такой партией является «Ликуд». Так что успешная интеграция «русских» в израильское общество и вопрос их представительства в Кнессете отнюдь не противоречат, а, наоборот, дополняют друг друга. Если ты интегрирован, то должен играть по правилам, а игра по правилам предполагает наличие своего политического лобби. Дискуссия идет лишь о том, как это лобби должно выглядеть. 6 или 7 потенциальных «русских» депутатов — действительно немного и лишний раз свидетельствует, что ответ на вопрос об эффективности русскоязычного лобби пока не найден.

Нужны ли нам свои парламентарии? Последние опросы показывают, что среднестатистический русскоязычный израильтянин не уверен в необходимости секторальной партии, состоящей исключительно из русскоязычных депутатов, допуская присутствие в ней представителей всех общин, которым близки интересы алии. Второе по популярности мнение «русской» улицы — неважно из кого состоит список, важно, кто стоит во главе. И, наконец, третье, о чем говорят респонденты — отсутствие русских депутатов в списке означает, что партия пренебрегает своим русскоязычным электоратом.

— Как вы объясняете, что даже в самой «русской» из израильских партий — НДИ — на реальных местах (опросы обещают этому списку 6 мандатов) всего два русскоязычных кандидата — лидер «Нашего дома» Авигдор Либерман и нынешний министр абсорбции Софа Ландвер? Партия окончательно переориентировалась на израильский политический рынок? Как это сочетается с тем, что 63% репатриантов утверждают, что для них

«достаточно важно» или «очень важно» присутствие в Кнессете и правительстве представителей алии из СССР и стран СНГ?

— Во-первых, в точности прогнозов, предрекающих НДИ 6 мандатов, у меня есть большие сомнения. Во-вторых, предвыборный список был утвержден в момент, когда партия претендовала на 10-12 мандатов, поэтому в первой дюжине кандидатов русско- и не русскоязычные представлены поровну. Начнем с того, что в первой тройке — два русскоязычных. Далее идут кандидаты от разных групп, которые партия пытается обаять, выйдя за рамки своей секторальной ниши. Здесь и представители старых ашкеназских элит, и муниципальные деятели, и молодежь, а замыкают список два опытных депутата, задача которых — «снять избирателей с забора», то есть вернуть прослойку традиционного электората НДИ, которая после коррупционного скандала перешла в категорию неопределившихся.

Общине, безусловно, необходимо представительство, и скромное число «своих» депутатов означает, что русскоязычные опять сыграли большую роль в судьбе тех или иных общенациональных партий, в очередной раз выполнив работу не для себя. В связи с этим логично предположить, что после выборов последует разочарование и рост популярности идеи чисто «русской» партии.

— Согласно опросу PORI, всего 20% «русских» в возрасте 25-34 лет готовы голосовать за НДИ по сравнению с 29% в среднем по общине. Вместе с тем 10% поддерживают центристский «Еш Атид» (что выше общего показателя), а среди русскоязычной молодежи 18-24 лет таких 19%. Не кажется ли вам это симптоматичным и по-своему положительным признаком — молодые «русские» голосуют за партию среднего израильского класса? С другой стороны, это явный признак того, что социально-экономические проблемы волнуют их больше секторальных и проблем безопасности. Это общий тренд для израильской молодежи?

— Нет никакого сомнения в том, что политические предпочтения русскоязычной молодежи, в массе своей выросшей в Израиле, намного более диверсифицированы, чем предпочтения их родителей и тем более бабушек и дедушек. Понятно, что электорат «русских» партий стареет вместе с ними. При всем этом вывод не столь однозначен — во-первых, НДИ пользуется

наибольшей поддержкой русскоязычных всех возрастных категорий, даже среди молодежи за нее проголосует относительное большинство. То, что популярность партии снизилась, связано не с объективными тенденциями, а с характером избирательной кампании и коррупционными скандалами. Достаточно сказать, что еще недавно опросы показывали, что после развода с «Ликудом» популярность НДИ постоянно росла — последний большой замер показал около 40% поддержки на «русской» улице. За два месяца долгосрочные социологические тенденции не меняются, то есть опрос зафиксировал некий тактический откат. Закрепится ли он, превратившись в стратегический? На этот вопрос ответ дадут выборы.

— Опросы однозначно демонстрируют, что большинство «русских» относят себя к правоцентристам, правым или крайне правым (всего — 55%), а еще 23% считают себя центристами. Тем не менее ради прочного мира с арабами 46% респондентов готовы пожертвовать Иудеей и Самарией, за исключением крупных поселений, — а это практически совпадает с программой Сионистского лагеря. 47% не прочь расстаться с городами внутри «зеленой черты», населенными арабами, тем самым поддерживая план Либермана. Что это — новое понимание правизны в израильском контексте? Или сила харизмы Либермана, заявившего, что «целостность народа важнее целостности земли»?

— Это не вполне корректная трактовка данных. 46% респондентов при определенных обстоятельствах готовы взвесить возможность территориальных уступок. Но этих обстоятельств на сегодняшний день нет. При этом, соглашусь, что если начать разбирать конкретные сюжеты, то позиция русскоязычной общины окажется существенно более умеренной, чем самоопределение «русских» на идеологической карте.

— Хотя в целом репатрианты и склоняются вправо, но среди молодежи «Ликуд» (как и НДИ) менее популярен, в то время как партия Нафтали Беннета «Еврейский дом» получает у самых молодых избирателей 10% поддержки. При этом партия, которую ассоциируют с поселенческим движением и религиозным сионизмом, где «русские» играют не последнюю роль, не нашла в своем списке место для русского кандидата...

— Я бы не абсолютизировал поддержку среди молодежи, но в целом отсутствие русскоязычных кандидатов в списке «нерусских» правых партий (за исключением Элькина и Эдельштейна в «Ликуде», связь которых с русской улицей сегодня в основном «генетическая» — оба позиционируют себя в качестве общенациональных политиков) усиливает ощущение в общине, что традиционный поселенческий истеблишмент, классические правые ревизионисты относятся к ним как к соратникам второго сорта.

— Зеэв, судя по всему, ни один из лагерей не получит решающего преимущества — и правые ради создания коалиции будут вынуждены вступить в союз с ультраортодоксами (против чего выступают большинство избирателей и «Ликуда», и НДИ, и «Еврейского дома»), а левые — обратиться к поддержке Объединенного арабского списка, что не найдет понимания у большинства еврейского электората. Между тем и те, и другие не в восторге от идеи правительства национального единства. Не означает ли это, что израильская политическая система переживает серьезный кризис, учитывая, что по частоте выборов Израиль сегодня занимает третье место в западном мире?

— Если коротко — да, означает. Основным содержанием этого кризиса является то, что институт больших партий в Израиле закончил свое существование. На сегодняшний день партии, чьи лидеры претендуют на пост премьер-министра, получают менее четверти мест в Кнессете, что делает их меньшинством в любой коалиции. Поэтому можно говорить о конкуренции не партий, а политических лагерей — правого, к которому формально примыкают ультраортодоксы, и левого, к которому, опять же формально, примыкают арабские списки. Таким образом, состав коалиции зависит от того, сколько получат правый и левый лагеря в самом широком понимании этого слова. А уже в рамках этих блоков идет не менее ожесточенная политическая борьба. Борьба, где, с одной стороны, ведущие партии троллят своих партнеров по будущей коалиции, максимально привлекая их плавающий электорат, но с другой — вынуждены остановиться у красной черты, поскольку, если партнеры/соперники перейдут эту черту и окажутся за стенами Кнессета, то формировать коалицию крупной рыбе будет не с кем.

Понятно, что в этом смысле для «Ликуда» более удобным партнером являются

ультраортодоксы, рассчитывающие лишь на свою долю пирога для секторальных нужд, но не претендующие на лидерство в правом блоке или правительстве. В отличие от НДИ или «Еврейского дома», то есть партий, стремящихся выйти за рамки узкой секторальной ниши и имеющих виды на руководство правым блоком и правительственной коалицией.

Это же характерно и для левого Сионистского лагеря (в самом названии — попытка перехватить у правых эксклюзив на сионистскую идеологию) — очевидно, что намного более удобным партнером для Ицхака Герцога и Ципи Ливни является Объединенный арабский список, не претендующий не только на руководство правительством, но даже на присутствие в нем. Лидеры этого списка готовы в обмен на определенные уступки стать для власти страховочной сетью, даже формально не принадлежа к правящей коалиции. И в этом смысле они намного более удобны, чем «Еш атид» Яира Лапида или партия Моше Кахлона, которые заглядываются и на традиционных избирателей Сионистского лагеря.

Таким образом, потенциальные премьер-министры вынуждены идти на некие союзы исходя не из личных симпатий или антипатий, а потому, что так выстраивается та или иная конфигурация, имеющая свою цену — идеологическую, политическую, финансовую. Такова израильская политическая система, проблемы которой можно решить тремя способами. Первый из них — отход от блоковой модели, возвращение в эпоху МАПАЙ с одной доминирующей партией. Арик Шарон попробовал это сделать с «Кадимой» и потерпел неудачу — израильское общество сегодня к полуконкурентной демократии не готово.

Вторая модель — это переход на президентскую систему правления, перспективы которой сегодня для израильтян неочевидны.

Третья опция — и это то, что происходит, — постепенное незначительное повышение электорального барьера. Незначительное, потому что законы о повышении барьера принимаются, в том числе, и депутатами от мелких фракций, и последнее, чего они хотят, — это совершить политическое самоубийство.

сделать — это совершить политическое самоубийство. Поэтому за всю историю страны электоральный барьер повышался трижды — с 1% до 1,5% в

1992 году, до 2% в 2003 году и до 3,25% в 2014-м. Пока это не очень сказалось на количестве партий, участвующих в предвыборном забеге в Кнессет, — обычно бежит 30-35, на этих выборах зарегистрировано 26, но пройдут, судя по опросам, 11-12 списков, как и в прошлые годы.

— Так может и не стоит суетиться в попытке изменить избирательную систему?

— Я, честно говоря, так и думаю, и полагаю, что издержки по реформированию нынешней модели выйдут нам дороже, чем те 2 млрд шекелей, в которые обходятся каждые выборы. Израильское общество многопланово и крайне политизировано, поэтому есть риск, что при новой схеме 30-40% голосов избирателей будут выброшены в мусорную корзину. Другими словами, эти люди убедятся, что их мнение государство совершенно не интересуется, а в ситуации, когда мы окружены врагами и наш основной ресурс — это национальная солидарность, — такие настроения станут плохим знаком.

— И в заключение — ваш прогноз о составе новой коалиции, которая должна быть создана в течение 45 дней после выборов.

— Думаю, что реальны лишь два варианта. Первый — правая коалиция при участии ультраортодоксов. Цена этого участия названа и принята Нетаниягу — это не только бюджетные вливания, но и отказ от санкций против религиозных уклонистов от призыва. Именно это используют против премьера левые, но многие полагают, что примерно ту же цену будут готовы заплатить Бужи Герцог и Ципи Ливни. Ультраортодоксы не могут позволить себе провести в оппозиции больше одной каденции, поэтому они сделают все возможное, чтобы войти в правительство, иначе начнется усыхание их электората.

Вторым вариантом может стать правительство национального единства. Оно будет крайне неустойчивым, состоящим из множества фракций, поскольку Сионистский лагерь и «Ликуд» в сумме получают меньше 50% мест в Кнессете. Но главное, не как будет выглядеть коалиция, а сколько она просуществует.

Не исключено, что следующее правительство продержится еще меньше, чем нынешнее. Впрочем, делать в Израиле прогнозы — вещь неблагодарная.

Беседовал Михаил Гольд